

Золушка и Гришковец

Жила-была девочка. Девочка, представляете!/? Жила-была. В Европе жила, лицемерной, лживой. Гадостной, можно сказать, Европе! Хуже нет Европы, вот что я вам скажу. Ну а что тут ещё скажешь? С мачехой жила и с сёстрами. С сёстрами жила, но как жила! Мне смотреть на это было невозможно, дыхание перехватывало. И в горле, бывало, так - вжик-вжик, как посмотришь на то, что она там у себя внутри пережила с мачехой и с сёстрами. Маленькая такая, крошечная, ручки как палочки, головка огуречиком - заблудшая душа, во как! Про папашу её вообще противно писать, писать противно. Подкаблучником он был. Как? Как он мог? - думал я, перебирая жёлтыми от сигар пальцами страницы своего неоконченного нескончаемого романа о борьбе ковра с вёслом, ах, нет - добра со злом. Ну, об этом можно писать до бесконечности - я, по крайней мере, могу. Но вернёмся к девочке. Ах! И ведь с одной стороны, посмотришь на девочку - жертва-жертвой - ручки, как палочки, головка огуречиком, по дому суетится, а ведь сука-сукой. Мне ведь что? С одной стороны девочку жалко. А с другой - она ведь мачеху с сёстрами своей покорностью провоцировала. И ведь не просто так провоцировала, а с помощью Госдепа. А ведь Госдеп что? Он к ней по ночам печеньки приносил, под крыльцо клал. Я сам не видел, но люди говорят, ох, как говорят! Сука. Но жалко-то её как - ручки как палочки, головка огуречиком... Да пропади оно всё пропадом!

И вот однажды пошла она на парти. Парти в баре там, или уже не помню где. Ну, пошла и пошла, с кем, как говорится, не бывает! Не бывает, как говорится...Дааа...всё бывает не так, как говорится, особенно когда пишется мной. Но ведь в бар-то она пошла, верно? Вот и пошла. Лето в том году было холодное, кошмарное, можно сказать, было лето. Ужас до чего лето было дерьмовое. Все тогда перессорились, да и многие меня до сих пор читать не хотят, но я-то всё равно пишу, я ведь самый умный и главное – сам не понимаю, чего это я такой умный, и вообще что я здесь делаю, но я не могу не делать того, что я делаю, т.е. писать. О девочке. О мальчике. О башмачках. Ну а что дальше было? Да противно вообще рассказывать! Да что там противно – страшно! Я ведь уж на что не Шарль Перро, а боюсь. Да, так вам честно и

признаюсь – я не Шарль, поэтому сами лучше почитайте, что там дальше было. Хотя нет – лучше я сам расскажу. Да всё ужасно было там! Ведь девочка как на парти-то добиралась? На автобусе она ехала! А? Как вам? На парти её пригласили, а деньгами на такси не обеспечили. Как так может быть? А очень просто! Потому что ложь вокруг и лицемерие! И смотреть на это всё лично мне противно! Вот чего она попёрлась на парти? Да всё очень просто. Замуж ей захотелось! И ведь жалко её безумно – ручки, как палочки, головка огуречиком, но ведь за башмачки продалась! Продалась за башмачки, да. Сука. Но как её жалко, жалко-то как! Гори она в аду.

Я боюсь, что вы..вы все, которые всё это прочитали - вы всё равно ничего не поняли! Не поняли, да? То-то и оно.

И вообще скажите спасибо, что меня жена в магазин за колбасой послала, а то бы я ещё три тома написал. А то! И напишу ещё. Про девочку, про мальчика, про башмачки. Вот прямо сейчас возьму и напишу, чёрт с ней, с колбасой - правда важнее!

жжжжжж...(что-то буквы на клавиатуре западают...жжжжжж). Повезло вам на этот раз.

жжжжж. Ваш жжжжж овец.

Золушка и Людмила Улицкая

Жизнь у Зойки не заладилась ещё до рождения. Сначала умерла мама, - хрупкая слепая преподавательница физкультуры в школе для умалишённых, тяжело рожая старшего брата Волика. Потом умер и сам Волик, объевшись белены в пионерлагере "Внешние воды".

Так что уже в младенчестве на Зойку свалилась вся тяжёлая работа по дому-то пелёнки себе простирнуть, то прогладить их с пяти сторон, то горшок вынести. И когда домой неожиданно вернулся её отец, профессор Лесоповальский, отсидевший в соседнем амбаре пятнадцать лет за тунеядство, - его встретила ладная мускулистая деваха с озорной чёлкой на левом глазу и бельмом на правом. (как-то на правый глаз ей упала кастрюля с борщом, который потом доедали всей огромной коммуналкой-долго, с искринкой, с огоньком, как и принято было в те голодные годы).

Профессор вернулся не один, а с новой супругой. Высокая, дородно-полнозадая, с сильным зычным голосом, Скалка Меценатовна быстро стала хозяйкой в новом доме: поставила в каждой комнате по трёхспальной кровати, и спала на них по очереди то утром, то днём, то вечером. Двух своих дочерей-Розку и Ривку и сына Петрика она тоже родила во сне. Петрик родился болезненным и слабеньким.

– Не жалец, – сочувственно вздохнула повивальная бабка Сидоровна, посмотрев на десятикилограммового Петрика и без сожаления выплеснула его из ванны. Сначала Зойка долго плакала, но через две минуты привыкла и уже радостно гоняла по дому со шваброй и веником. Работы ей только прибавилось. Розка

(высокая, начинающая лысеть брюнетка) и Ривка (в отличие от сестры мелкая, чуть выше стола толстуха с чёрными кокетливыми усиками) росли белоручками и водили в дом мужиков, за которыми надо было подбирать пустые бутылки. Помогать было некому. Первая домработница Феня, – рассыпчатая белокурая старушка, утонула в тазу для стирки. Наняли было другую – маленькую, кругленькую Нору Моисеевну, но и та долго не продержалась, в первый же вечер закатившись под плиту, да так там и сгинув.

Профессор Лесоповальский уже давно не занимался воспитанием дочерей, с головой уйдя в защиту чести своей диссертации о перспективах размножения жуков-говноедов в условиях Крайнего Юга.

В декабре Зойке исполнилось пятнадцать лет, и в её жизни вдруг начались прекрасные превращения.

Сначала у неё вырос обратно правый глаз. Часто, перед тем, как лечь спать, Зойка вынимала глаз и рассматривала его перед зеркалом, удивляясь матовой округлости этого странного стеклянного шарика.

А потом случилось и вовсе чудесное.

Из деревни Гнилые Кирзаки неожиданно приехала сестра профессора Лесоповальского – Хава Нагиловна. Семейные предания гласили, что пару веков назад тётка была тяжело ранена во время русско-турецкой войны. С тех пор она не расставалась с крючковой палкой, с которой она ходила и в мир, и в сортир, и на пир, а бывало, что и в сумасшедшем доме с ней лежала.

– Ну что, племяшка, замуж тебе пора! – гнусавым голосом проскрежетала тётка Хава.

В ней – худой и сморщенной, уже трудно было узнать ту весёлую кокетливую хохотушку Хавочку, из-за которой застрелилась вся 13-ая мужская гимназия, включая директора Спицына и сторожа Гаврилыча. Теперь Хава Нагиловна походила на зелёные перцы, которые Зойка запекала по праздникам в изразцовой, подёрнутой плесенью печке.

– Девка на выданье, а глянь – в каких опорках ходишь – добавила она, тыча Зойке суковатой палкой в правый глаз.

С этими словами тётка достала из вещмешка крошечные туфельки.

Затрепыхав всем организмом и едва наметившейся грудью, Зойка примерила туфли и заплакала от неожиданно переполнивших её новых ощущений.

С тех пор с новыми туфлями она не расставалась. Так и влюбилась, щеголяя в новых туфлях, случайно встретив в коммунальной ванной водопроводчика Шурика Николаевича.

Щуплый, корявенький, страдающий синдромами Туретта, Табуретта, Дауна и Аппа, Шурик Николаевич казался Зойке молодым Богом. И плевать ей было на то, что ни пришить, ни пристегнуть к нему было давно ничего нельзя, и что у корявенького Николаевича где-то в Старокозловской области вот уже который год угасала от родильной горячки молодая жена.

Шурик Николаевич давно вёл двойную жизнь. Днём он работал водопроводчиком, а по ночам подрабатывал диссидентом, распространяя

перепечатанные на стареньком ундервуде речи Леонида Ильича Брежнева на 10-м съезде КПСС. Изредка ему удавалось распространить "Блокнот Агитатора", за что он был неоднократно бит в местном отделении милиции.

По ночам они встречались в ванной. Шурик Николаевич читал Зойке выдержки из книг Брежнева "Целка", "Большая Вода" и "Вырождение". Зойка, затаив дыхание, слушала.

Они включали холодную воду на полную громкость, чтобы не разбудить спящую долгим беспробудным сном Скалку Меценатовну, и читали, читали до полного посинения. Так прошло три года. Дом снабжался холодной водой бесперебойно, несмотря на случившиеся за эти годы четыре гражданские войны и один путч.

К концу третьего года, уже окончательно посиневшая Зойка заболела. Шурик Николаевич грел её озябшие ножки, подёрнутые синим инеем, в своих корявых мозолистых выдавших виды ладонях, но включить горячую воду так и не догадался. Да и что было взять с измученного двойной жизнью, самого дышащего на ладан старого идиота.

Зойкины похороны прошли скромно. Скалка Меценатовна продолжала спать, Розка и Ривка уже давно повыходили замуж и нарожали целую гору внуков, а профессор Лесоповальский окончательно выжил из ума не только себя, но и руководителя проекта по так и не защищённой диссертации о жуках-говноедах Федю Шмулевича.

И только маленькие Зойкины туфельки одиноко валялись по всей квартире, медленно покрываясь ржавчиной и медным купоросом. Изредка забредавшие в старую покинутую квартиру бомжи, тщетно пытались примерить полуистлевшую Зойкину обувь, хотя туфельки налезали им только на большой палец руки.

Но это уже совсем другая история.

Сентябрь 2012-Сентябрь 2012. Бостон-Хьюстон-Смит энд Вессон-усадьба *Маманегорьево*.

Перевела с уличного Мария Рубина-переводчица.